

Мордовцев Даниил Лукич

Жертвы вулкана

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Д18

Д18 **Даниил Лукич М.**
Жертвы вулкана / Мордовцев Даниил Лукич – М.: Книга по Требованию, 2023. – 347 с.

ISBN 978-5-519-97415-8

ISBN 978-5-519-97415-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Посѣтивъ два раза—въ 1883 и въ позапрошломъ 1889 г. — Помпею, этотъ удивительный остатокъ античнаго міра, словно живымъ вышедшій изъ своей исторической могилы послѣ того, какъ онъ оставался въ ней заживо погребеннымъ почти восемнадцать столѣтій, явившійся во всей полнотѣ его домогильной жизни — съ форумами, обставленными рядами колоннадъ и статуй, съ храмами, въ которыхъ пребывали на своихъ мѣстахъ жертвенники и античные боги, съ театрами и аренами, въ которыхъ оставались какъ-бы со вчерашняго дня нетронутыми входные билеты и скелеты львовъ, ждавшихъ боя съ гладіаторами, — дѣла, полные всего домашняго обихода, съ посудой, мебелью, съѣстными припасами, хлѣбами, консервами, съ дѣтскими игрушками, даже съ духами и притираниями для погребенныхъ вмѣстѣ съ ними красавицъ античнаго міра, — улицы, съ слѣдами колесъ на мостовыхъ, стѣны съ нестертыми еще объявленіями о театральныхъ представленіяхъ и зрѣлищахъ, — посѣтивъ, повторяю, два раза это чудо древности, я всякій разъ испытывалъ глубокое очарованіе при видѣ всего этого,

и мысль моя невольно переносилась за двѣ тысячи лѣтъ къ той, полной поэзіи и сверкающей всѣми красками античной жизни, которая теперь сама явилась свидѣтельствовать о себѣ. Это неотразимое обаяніе исчезнувшей съ лица земли, отдаленной отъ насъ тысячелѣтіями, жизни всякій разъ вызывало во мнѣ настойчивое желаніе воспроизвести картины этой дивной жизни хотя бы въ слабыхъ, блѣдныхъ очеркахъ, хотя-бы неясные силуэты людей того далекаго историческаго прошлаго съ ихъ человѣческими страстями, радостями и печалами.

Скромную попытку того, что я хотѣлъ-бы создать моими слабыми силами, я и представляю на судъ читателей.

1891.

I.

Обширный портъ Помпеи, яркимъ лѣтнимъ утромъ 79 года нашей эры, представлялъ великолѣпное, оживленное зрѣлище. На бирюзовой, гладкой, какъ зеркало, поверхности его почти сплошною массою толпились корабли, пришедшіе сюда со всего извѣстнаго тогда свѣта—изъ Испаніи, Египта, Палестины, Сиріи и даже изъ гиперборейской Пропонтиды—изъ Пантикапеи, Херсонеса таврическаго, Меотиды и отъ таинственныхъ береговъ Скиѣи, изъ такихъ странъ, которыя воображеніе древнихъ населяло антропофагами, мирмидонами и одноглазыми циклопами. Сквозь цѣлый лѣсъ мачтъ и флаговъ глядѣло на эту картину голубое море, окаймленное дивною рамкою береговъ съ цвѣтущими городами—Мизеномъ, Баіями, Путеоли, Неаполемъ, Ретиною, портомъ Геркулеса и Стабіями. На заднемъ планѣ картины высились двѣ горы,—Сомма и Везувій, которыя, какъ молчаливые стражи, своимъ массивнымъ тѣломъ защищали этотъ райскій уголокъ земли отъ суроваго дуновенія сѣверныхъ вѣтровъ.

Картина была, дѣйствительно, дивная, вполне отвѣчавшая самому названію всей этой мѣстности—Счастливей Кампаніи.

Но детали этой картины представляли не одно счастье. Кромѣ богатыхъ восточныхъ товаровъ и всевозможныхъ

предметовъ роскоши, пришедшіе сюда со всѣхъ странъ корабли привезли съ собою множество и^ного рода товара—товара живого, говорившаго на всѣхъ извѣстныхъ и неизвѣстныхъ римскому міру языкахъ. Это были невольники, закупаемые работорговцами на всѣхъ невольничьихъ рынкахъ Аѳрики, по всѣмъ берегамъ Средиземнаго, Евксинскаго и Меотійскаго морей и перепродаваемые во всѣ города Италіи, всюду, гдѣ рабы были такою-же необходимостью, какъ рабочій скотъ и вьючныя животныя.

Сюда-то, на помпейскую пристань, у самыхъ стѣнъ города и былъ выгруженъ этотъ живой товаръ. Невольники и невольницы, старые и молодые, подростки и дѣти цѣлыми беспорядочными группами стояли или лежали на особо сколоченныхъ изъ досокъ возвышеніяхъ, чтобъ покупатели могли ихъ видѣть, а чтобъ могли въ то же время оцѣнить ихъ «статьи»—мускулистость и силу мужчинъ, стройность и красоту женщинъ—всѣ невольники приводились на рынокъ голыми, и только женщинамъ позволено было нѣсколько прикрыть свою наготу, да и то лишь до осмотра товара.

Среди группъ этихъ несчастныхъ расхаживали съ бичами въ рукахъ ихъ владѣльцы-торговцы, и чтобъ придать своему товару болѣе оживленія, хлестали по обнаженнымъ плечамъ и спинамъ бичами то одну, то другую жертву, если видѣли на лицахъ ихъ уныніе или недостаточно живости.

Тутъ-же массаи толкались покупщики изъ Помпеи, Стабій и другихъ сосѣднихъ городовъ, а равно мѣстные поселяне и рыбаки, пришедшіе поглазѣть на заморскій живой товаръ, на чудеса Востока, на кривляющихся

обезьянъ, на болтливыхъ и крикливыхъ попугаевъ и другихъ невиданныхъ птицъ и звѣрей Африки.

Въ утреннемъ воздухѣ надъ всей этой колыхающеюся рыночной толпой стоялъ стонъ отъ громкихъ выкриковъ и зазываній продавцовъ, отъ нестройнаго гула и говора толпы, отъ стоновъ и плача живого товара, подбодряемаго сыромятными бичами.

— Благородные граждане Помпеи! выкрикивалъ длинный, черномазый сицилиецъ-продавецъ:—купите борода-таго скиеа: онъ силенъ, какъ вепрь, и хорошій наѣздникъ. Изъ него выйдетъ или отличный гладіаторъ, или ловкій автомедонъ на ристалищахъ.

Праздная толпа надвигалась къ сторонѣ борода-таго скиеа и любовалась его желѣзными мускулами, а бѣдный скиеъ угрюмо смотрѣлъ куда-то вдаль, за Везувій, туда, гдѣ далеко-далеко разстилались его родныя степи съ высокими курганами.

— А вотъ чернокожій нубіецъ, благородные помпеяне! махалъ бичемъ продавецъ надъ курчавою головой негра:—онъ гибокъ и увертливъ, какъ тигръ его родины, а быстротою своихъ ногъ помѣряется со страусомъ. Купите, не жалѣйте сестерцій: онъ можетъ служить прекрасною каріатидою изъ чернаго лаконійскаго мрамора.

И черное блестящее тѣло негра дѣйствительно напоминало мраморную чудной работы каріатиду изъ Лаконіи; только грустные глаза говорили, что это не статуя.

— О! не срывайте съ меня покрывала! слышался женскій, полудѣтскій плачь: — великая Изида! защити, укрой меня, — о!

— Прочь, нахалы! слышался чей-то могучій голосъ:—не смѣйте обнажать бѣдную дѣвочку.

Толпа дрогнула и подалась назадъ отъ возвышенія, на которомъ находилась группа женщинъ-невольницъ и между ними прелестная дѣвушка, почти ребенокъ, съ золотистою косою, съ профилемъ сфинкса и прекрасными, продолговатыми, какъ у сфинкса, глазами. Съ нея-то и сдернули-было покрывало какіе-то молодые нахалы въ новенькихъ тогахъ. Могучій-же окрикъ, отъ котораго они оробѣли и попятились, принадлежалъ тучному, высокому мужчинѣ съ огромною лысиною и рѣдкими остатками сѣдыхъ волосъ у висковъ и на затылкѣ. За нимъ шли четыре воина въ одеждѣ римскихъ матросовъ съ короткими мечами у бедръ, а рядомъ съ нимъ курчавый молодой человекъ съ свиткомъ папируса въ рукѣ и тростью.

Тучный мужчина, передъ которымъ всѣ почтительно разступились и богатая тога котораго изобличала римскаго сановника, подошелъ къ золотокосой дѣвукѣ, смущенно и со слезами на глазахъ старавшейся прикрыть краснымъ шерстянымъ лоскутомъ свои полуобнаженные, почти не сформировавшіяся еще части тѣла.

— Откуда ты, бѣдное дитя? спросилъ онъ ласково.

Дѣвушка молчала, нервно теребя свое покрывало.

— Изъ Египта, благородный господинъ, подобострастно отвѣчалъ за нее продавецъ, пряча за спиною свой хлыстъ.

— А умѣетъ она говорить по-римски? продолжалъ спрашивать тучный вельможа. — Когда наглецы, — онъ оглянулъ толпу, — сорвали съ нея покрывало, то мнѣ послышалось, что она призывала великую Изиду на языкѣ египтянъ.

— Благородный господинъ правъ, почтительно отвѣчалъ продавецъ: — моя прекрасная невольница предпочи-

таетъ языкъ своей родины; но она отлично знаетъ и римскій, и эллинскій языки. — Кратилла! строго обратился онъ къ юной невольницѣ:—отчего ты не отвѣчала, когда съ тобой заговорилъ благородный римлянинъ? Слышишь?—И онъ показалъ ей хлыстъ.

— Не смѣй ее трогать! остановилъ его гордымъ жестомъ римлянинъ. — Я самъ поговорю съ ней.—Потомъ, обращаясь къ юной невольницѣ, онъ спросилъ ее съ отеческой вѣжностью:

— Такъ тебя зовутъ Кратиллой, бѣдное дитя?

— Да, господинъ, тихо отвѣчала дѣвушка:—мое имя Кратилла.

— Это имя греческое, а ты сама—египтянка?

— Я только родилась и выросла въ Мемфисѣ, но мои родители—греки.

— Какъ-же ты, бѣдное дитя, сдѣлалась невольницей? спросилъ римлянинъ съ глубокимъ участіемъ.

Дѣвушка заплакала. Крупныя слезы, какъ жемчужины, текли изъ ея глазъ, но она не смѣла даже утирать ихъ, боясь неловкимъ движеніемъ обнаружить свою наготу.

— Бѣдное, бѣдное дитя! тихо шепталъ римлянинъ, тронутый глубокою скорбью юной невольницы.

Въ это время ея продавецъ, суетливо бросившись въ ближайшую палатку, вынесъ оттуда широкій цвѣтной плащъ и накрылъ имъ голыя плечи плачущей дѣвушки.

— Я ее купилъ, благородный господинъ,—купилъ на законномъ основаніи, торопливо бормоталъ онъ, укутывая свою жертву.—Клянусь Нептуномъ и его могучимъ трезубцемъ, я ея не похищалъ, а купилъ на морѣ въ виду острова Крита.

— Ба-ба-ба! великій навмархъ и славный испытатель природы! раздался сзади чей-то голосъ. — Какой шаловливый фавнъ превратилъ великаго ученаго въ слугителя Венеры?

Это говорилъ, повелительно отстраняя отъ себя толпу, высокій пожилой гражданинъ въ богатой тогѣ, ведя подъ руку молодую дѣвушку, черная головка которой украшена была бѣлою и желтою розами.

— А, почтенный Маркъ Аррій и прекрасная Мальвія! Да покровительствуютъ вамъ вѣчные боги, отозвался тотъ, котораго назвали великимъ навмархомъ и испытателемъ природы, оборачиваясь къ пришедшимъ и здороваясь съ ними.

Сопровождавшій его молодой человѣкъ съ свиткомъ папируса въ рукѣ также привѣтствовалъ пришедшихъ. При взглядѣ на дѣвушку съ розами въ волосахъ черные глаза его сверкнули внутреннимъ огнемъ, но, повидимому, огнемъ мгновенно вспыхнувшей досады.

— Такъ великій навмархъ созерцаетъ красоту юныхъ невольницъ? продолжалъ въ шутливомъ тонѣ тотъ, котораго назвали Маркомъ Арріемъ. — Что-жъ, испытатель природы, по-моему, долженъ изучать не одни растенія, цвѣты, камни и животныхъ, но и прекраснѣйшихъ изъ этихъ послѣднихъ — хорошенькихъ невольницъ, въ родѣ вотъ этой рыженькой Венеры.

— Но это не Венера, почтенный Аррій, возразилъ тучный римлянинъ: — это еще чистая, невинная Психея.

— Ахъ, какая хорошенькая! невольно сорвалось съ языка той дѣвушки, которую назвали Мальвіей: — какіе волоса, какіе глаза, точно у Андіомены Апеллеса. Отецъ! милый! обратилась она къ Марку Аррію: — ты

непремѣнно долженъ купить ее мнѣ. У меня будетъ самая красивая рабыня во всей Помпеѣ—какъ мнѣ будутъ завидовать наши матроны и дѣвицы! Купи, милый!

— А можетъ великій навмархъ уже приторговалъ ее для себя—для натуральныхъ коллекцій, продолжалъ въ прежнемъ шутливомъ тонѣ Маркъ Аррій.

— Нѣтъ, нѣтъ, почтенный господинъ! возразилъ продавецъ:—благородный навмархъ не спрашивалъ даже о цѣнѣ невольницы.

— Правда, отвѣчалъ тотъ, котораго называли навмархомъ.—Я пріѣхалъ изъ Мизена съ цѣлю посмотрѣть не привезли-ли пришедшіе съ Востока корабли какихъ-либо новыхъ экземпляровъ птицъ или звѣрей, которыхъ мнѣ не приходилось еще изучать.

— И наткнулся на этотъ рыженькій экземпляръ? продолжалъ шутить Маркъ Аррій.

— Да... Меня возмутили нахалы—какіе-то публичные скоморохи или пѣвцы, которые сорвали съ нея покрывало, а потомъ я заинтересовался судьбою этого бѣднаго ребенка.

— Но она ужъ не ребенокъ, благородный навмархъ, вмѣшался продавецъ:—она ужъ взрослая—совсѣмъ—ей четырнадцать лѣтъ, а египетскія дѣвушки развиваются...

— Хорошо, хорошо, оставь! остановилъ его римлянинъ.

Юная невольница уже не плакала. Задрапированная по самое горло яркимъ плащомъ, она сама вся похожа была на яркій цвѣтокъ. Глаза ея робко, но уже безъ ужаса украдкой поглядывали то на этого добраго лысаго толстяка, котораго она сразу полюбила за его великодушіе, за его ласковый голосъ, за его кроткіе глаза, то

на этого высокаго насмѣшника, сразу оттолкнувшаго ее своими грубыми шутками, то на его красавицу-дочь, то на молчаливаго юношу со свиткомъ папируса. Она сейчас-же поняла, что въ жизни ея совершается новый переворотъ—къ лучшему: по крайней мѣрѣ, ее не будутъ больше хлестать этимъ ужаснымъ бичомъ... А кто знаетъ?.. Она рабыня... Какъ ей хотѣлось, чтобъ она досталась этому доброму толстяку съ кроткими глазами!.. Она боялась красавицы съ розами въ волосахъ: хоть-бы искра сожалѣнія или участія къ бѣдной невольницѣ блеснула въ ея гордыхъ, самоувѣренныхъ глазахъ... Она будетъ гордиться, хвастаться своей рабыней... Нѣтъ, лучше-бы къ доброму толстяку съ кроткими глазами...

А эти кроткіе глаза участливо смотрять на нее.

— Расскажи-же, бѣдное дитя, какъ ты попала въ неволю? спросилъ, наконецъ, добрый толстякъ.—И гдѣ твои родители? Можетъ быть, намъ удастся возвратить тебя имъ.

Дѣтская радость мгновенно освѣтила нѣжное личико дѣвушки.

— О, великая Изида, если-бъ это чудо совершилось! воскликнула она, сжимая руки.—Но я не знаю, гдѣ мой отецъ и моя мать. Отецъ мой—скульпторъ съ острова Книда, и всѣ его предки были скульпторами. Первый нашъ родоначальникъ былъ ученикомъ великаго Праксителя—отъ него и перешло въ нашъ родъ искусство ваянія. Лѣтъ двадцать назадъ, отецъ мой съ острова Книда переселился въ Египетъ, чтобы научить египтянъ искусству ваянія по греческимъ образцамъ, потому что египетская скульптура груба...

— Правда, милое дитя, подтвердилъ и навмархъ:—